

Кондрат

Вакханалия

16+

Кондрат
Вакханалия

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кондрат

Вакханалия / Кондрат — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В этой книге речь идет о Конце Света, точнее о событиях ему предшествующих. Герои раскрываются, как предтечи будущих испытаний, к которым ведет вся та «вакханалия», что творится в умах и сердцах нынешнего поколения. Увлекательное произведение вещает о людях и богах включившихся в эту гонку «на выживание» и тех, кто противостоит злу вопреки всему. Талантливый художник принял заказ на картину от таинственного искусствоведа, утверждающего, что знает тайны античной живописи, и невольно оказался в самом центре круговерти божественных интриг. В момент, когда древние пророчества о Конце Света начинают сбываться, когда «лукавый» бродит по Земле, соблазняя к порокам, когда наступает время Антихриста, только истинная вера и чистое сердце могут спасти человеческие души. Мир стоит на краю ужасных катастроф, даже владыки Олимпа не могут остаться в стороне. Пусть люди стали забывать старых богов, их сила все еще велика. Чью сторону выберут древние боги в этом библейском противостоянии Добра и Зла?

© Кондрат, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая.	5
Глава 1. «Искусствовед».	6
Глава 2. «Картина».	9
Глава 3. «Ночной разговор».	11
Глава 4. «Рим».	13
Глава 5. «Выставка».	14
Глава 6. «Запечатанные уста».	17
Глава 7. «Лариса».	20
Глава 8. «Капелла».	22
Глава 9. «Цветок».	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кондрат Вакханалия

Часть первая.

«Не каждая находка, чья-то потеря». Автор

Глава 1. «Искусствовед».

Обнаженные нимфы резвились на берегу реки со всех сторон окруженные лесом. Звездная пыль покрывала черное небо и где-то там, на его краешке, красовалась полноватая, как толстушка, луна, слегка подсвечивая, упитанным боком, себе горизонт. Это была волшебная ночь, которая случается не часто, а только раз в году после дня летнего солнцестояния, завершающего годовой цикл.

Козлоногий и рогатый сатир восседал на пне, как на троне, у его ног, выплевывая к небу россыпь искр, горел костер. Кубок вина в руке, как ритуальная чаша, отблескивал золотом и драгоценными камнями, похожими, в свете костра, на светлячков. Стоило, только, сосуду опустеть, как, тут же, по мановению ока, он наполнялся новой порцией веселящего напитка. Вино и женщины были в изобилии. У опушки, на небольшой поляне, утоптанной заранее, возвышались блюда с разнообразной едой и закусками. Похоже, в урочный час, здесь, ждали гостей.

* * *

Николос еле продрал глаза, впереди был самый длинный день в году и окончания этого дня он ждал, как манны небесной, надеясь, что все задуманное им с успехом воплотится в жизнь. Николо (как звали его друзья) был художником, а точнее живописцем и, надо сказать, неплохим, знавшим, как всего несколькими мазками краски дать жизнь настоящему произведению. Он, в своем творчестве, часто обращался к древнегреческой мифологии, будучи специалистом в этом вопросе, справедливо считал античную культуру основополагающей для западноевропейской цивилизации. К тому же, по роду-племени Николос и сам был на половину грек, так что, зов крови давал о себе знать.

В этот необычный день, ему обещали приятный сюрприз, дарованный нечаянным знакомством, состоявшимся накануне. Являясь человеком общительным, Николос познакомился в художественной галерее с одним солидным искусствоведам, назвавшим себя хранителем тайны античной живописи и обещавшим поделиться своим секретом за небольшую услугу, суть которой он изложит этим вечером. Для Николо это было очень важно, так как он готовил авторскую выставку картин, посвященную мифам древней Греции, и жаждал владеть этой областью знаний в совершенстве.

Дневные часы тянутся особенно долго, если некуда спешить и когда в твоём распоряжении каждая секунда застывшего времени, подгонять которое, так же, бесполезно и неприятно, как растягивать жевательную резинку пальцами. Что должно произойти, то обязательно происходит, порою даже наперекор самой судьбе, хотя с этим она быстро смиряется, прокладывая новый маршрут в путеводителе жизни.

Наступил вечер долгожданной встречи. Николо, на всякий случай, захватив мольберт и краски, расположился в назначенном уличном кафе на веранде. От нетерпения он постукивал ногой по дощатому полу и, борясь с желанием грызть ногти, прятал от себя свои пальцы. Вскоре, на горизонте появилась внушительная фигура искусствоведа, неспешно приближавшегося к месту встречи. Приветственно помахав рукой, солидный мужчина, снял шляпу и, положив ее на стол, сел напротив художника, Он был в приподнятом настроении и явно подшофе.

– Пора представится, – начал подошедший, – Меня зовут Дионис, и я бы хотел, чтобы Вы написали мой портрет, именно в этом и заключается маленькая услуга, о которой я намекнул Вам накануне.

– Не такая уж и маленькая.

– Не ломайтесь, тайна, в которую я Вас посвящу, стоит намного дороже, Николо.

– Вы меня знаете?

– Да, я навел о Вас справки: холост, тридцать один год, детей нет, не крещен, – заулыбался визави.

– Это мне льстит, но позвольте, все же, узнать, что я получу взамен?

– Мне нравится такая деловая хватка, однако, сначала я должен заручиться Вашим согласием, поверьте, жалеть не будите.

– Допустим, Вы меня убедили: что, где, когда?

– Этой ночью, все только этой ночью. Согласны?

– Да... – буркнул живописец.

– Хорошо, тогда выпейте из моей фляги этого божественного напитка, он придаст Вам нужный тонус.

И искусствовед протянул золотую фляжку с каким-то аристократическим вензелем в виде грозди винограда. Сделав глоток, Николос провалился в небытие.

* * *

Очнулся Николо абсолютно голый, возле обжигающего костра. Ослепленный его огнем, он не сразу разглядел все вокруг. К нему подошла красивая, обнаженная девушка с чашей воды и, набрав в рот немного, прыснула ему в лицо ею, окатив свежестью. Тут он протрезвел и стал озираться по сторонам, постепенно приходя в себя и поражаясь увиденному. Напротив, в отблесках пламени, он разглядел сатира, обнимающего одну из дев. Остальные девицы в безумном танце кружили вокруг бывшего искусствоведа, сидевшего на импровизированном троне из плетеных прутьев, в чем мать родила. Лесные и речные нимфы водили хороводы, опьяненные магией лета. Сатиры выплясывали в экстазе. Полураздетые менады (более известные, как вакханки) безумно скакали, ударяя в бубны и тамбурины. Кто-то играл на свирели. Но все равно в этой музыкальной какофонии прослеживалась, какая-то, гармония, управляемая невидимым дирижером. Бог виноделия Дионис поманил пальцем незадачливого живописца и, когда тот подошел, сказал, несколько повышая голос:

– Запечатлеть меня в такой час мечтали многие, а выпало тебе, так что приступай, но сначала выпей вина вот из этого кубка, – и он протянул чашу из белоснежной кости в виде фаллоса, богато инкрустированную золотом, – только выпей все до дна. Не будем оставлять злу ни капли.

Как завороченный, Николо припал к терпкому напитку, больше похожему на настойку из трав, чем на вино. Допив почти все, он обнаружил на дне сосуда последнюю каплю. Заметив это, Дионис взял кубок и, перевернув его, дождался, когда капля скатится на траву и что-то, при этом, пробормотал. Едва коснувшись земли, та проросла виноградной лозой, тут же покрывшейся упругими гроздьями, источающими сок. Нимфы бросились поедать их, утоляя не только голод, но и жажду.

– Ты знаешь, что смертных ожидает смерть, если они увидят обнаженную нимфу? Однако, сегодня не бойся, ты под моим покровительством и можешь лицезреть все, что угодно, а если захочешь, даже участвовать, но сначала напиши мой портрет в атмосфере праздника. Твои краски и холст мы выкинули, воспользуйся тем, что даст тебе бог лугов и полей.

И поманив сатира рукой, Дионис воскликнул:

– Пан, дай ему то, что требуется.

Козлоногий подошел на своих копытцах и, хмыкнув, подозвал жестом самую красивую менаду, а затем протянул художнику склянку с какой-то жидкостью и иглу.

– Рисуи, ее совершенное тело и будет твоим полотном, – подытожил бог виноделия и разврата.

– Но я никогда не делал татуировок, – засомневался художник.

– Не беспокойся, сегодня музы и боги не оставят тебя без помощи, – сказал вершитель праздника, теряя интерес к беседе.

Спустя час, началась настоящая оргия. Без передышки, набивая рисунок, Николо, стирая, выступающую на теле менады кровь, и не заметил, как родилось целое полотно, убористо украшавшее кожу красавицы, полотно, списанное с извращенной действительности этого буйства плоти. Работа была завершена. Костер, почти, потух и все в изнеможении повалились, распластавшись, кто, где смог. Как по взмаху дирижерской палочки, смолкла музыка и в наступившей тишине, подали голос цикады. Ночь пролетела, и в эти предрассветные часы, оставалось только принять шедевр, рожденный талантом и усердием прирожденного живописца.

Утомленный вакханалией, Дионис внимательно изучил работу:

– Да, это то, что нужно, ты настоящий мастер, я в тебе не ошибся. Что ж и я в долгу не останусь. Пока не наступил рассвет идем со мной, я тебе кое-что покажу.

И, пройдя несколько метров, бог виноделия подвел Николоса к опушке леса, указав на цветущий в тени дерева папоротник, со словами:

– Вот твоя награда. Сорви цветок и богатство, вместе с даром предвидения, будет всегда с тобой. Это волшебная ночь, сегодня сбываются все мечты. Ну, смелей.

Николо послушался и, потянув на себя растение, оторвал кроваво-красный цветок от стебля.

В это мгновение мир перевернулся, и художник оказался вновь в своей мастерской, голый и уставший, но сжимающий в исколотых пальцах подсохший бутон.

Глава 2. «Картина».

Прошло несколько дней. Словно сама палитра, измазанная в краске Николо трудился у холста, пытаясь воспроизвести, увиденное им, во всем богатстве мистического таинства, дарованного ему радугой масляных красок. Накладывая на грунтовку мазки, он тщательно воспроизводил по памяти картину, наколотую им на теле избранницы менады, вдыхая движением кисти в полотно жизнь. Отстранившись, чтобы на расстоянии оценить творение, он заметил, что сатир, изображенный его рукой, подмигивает ему, удивившись, он списал это видение на усталость и, встряхнув головой, продолжил трудиться с еще большим усердием. Через неделю все было готово и придирчивый взгляд не нашел изъянов. Завершив работу, художник в правом нижнем углу поставил свою подпись и удовлетворенно пошел мыть руки. Купив на толкучке красивую раму, по размеру абсолютно совпавшую с творением, живописец позвонил своему приятелю галеристу Гамлету, специализирующемуся на классической живописи, и тот, ознакомившись с полотном, на удивление быстро, согласился выставить эту работу в своей художественной сокровищнице под броским названием «Вакханалия».

Картина получилась настолько удачной, что сразу привлекла к себе внимание специалистов, среди которых разгорелись нешуточные страсти. Желающих приобрести ее было столько, что приятель галерист решил провести настоящий аукцион, назначив дату его проведения на последнюю субботу календарного месяца.

– Ты не представляешь, какой спрос на твоё творение, Николо, – по своейски сообщил по телефону Гамлет, – уж я на что дока и то не мог подумать, что никому неизвестный художник может заинтересовать таких метров, как Ляпинский и Богомазов, а это, поверь мне, одни из самых известных критиков Москвы. Я, конечно, не знаю, чьи интересы они представляют, но каждый из них пытался подмазать меня, чтобы я, втихую, уступил им картину за вполне серьезную сумму, но я кожей чувствую, что здесь можно поднять ставки и не проиграть, так что я намерен провести свой домашний аукцион, уверен, мы сможем неплохо подзаработать. Обязательно приходи, мне кажется, будет интересно. Ну ладно, пока. Жду непременно.

В назначенный день в пресс-зале галереи был организован импровизированный аукционный дом, что называется, для своих. Полотно красовалось на авансцене, но до начала торгов было завешано темной тканью. Страждущие постепенно занимали места, поскрипывая ведавшими видами креслами. Набралось человек пятнадцать ценителей. В воздухе разносились запахи дорогой парфюмерии, публика была явно не из бедных. На трибуне, с молотком в руках, появился специально приглашенный, для этого случая, аукционист.

В назначенный час ведущий заговорил речитативом, приглашая участников к торгу. Темная ткань была снята с картины и собравшиеся могли насладиться зрелищем выставленного на продажу шедевра.

Николо притаился за колоннадой, внимательно прислушиваясь к происходящему. Действо началось. Начальная цена была невелика всего десять тысяч долларов, но она быстро слетела с повестки дня, торги велись на гораздо большие суммы. С замиранием сердца художник ждал, чем закончится эта нешуточная битва. Прошло некоторое время и осталось только два участника перетягивающих друг у друга пальму первенства. Один был величественный седой господин, который не уставал повышать планку, вторым был молодой человек, держащий возле уха телефонную трубку и с кем-то постоянно согласовывающий свои действия.

– Девятьсот пятьдесят тысяч долларов раз, девятьсот пятьдесят тысяч седовласый господин два... – протяжно набивал цену аукционист, – миллион долларов молодой человек в черном костюме раз...

Раскраснелись лица не только участников тянущих канат, но многих присутствующих, невольно поддавшихся магии азарта.

– Три миллиона пятьсот тысяч, молодой человек в пятом ряду раз... – надрылся разгоряченный ведущий торгов, – четыре миллиона седовласый господин в третьем ряду... раз, четыре миллиона пятьсот тысяч молодой человек... раз, четыре миллиона пятьсот тысяч долларов... два... пять миллионов седовласый господин в третьем ряду раз..., – и через многозначительную паузу, – пять миллионов долларов два...

Наконец молодой человек поднял руку и сказал:

– Десять миллионов долларов.

Эта сумма превышала начальную цену в тысячу раз. Автор шедевра опешил, прикидывая свои проценты от сделки и уже рассчитывая, в уме, на что они могли бы пойти. Аукцион был завершен, седовласый мужчина отступился перед таким напором и, трижды стукнув молотком, аукционист объявил:

– Продано молодому человеку в черном костюме за десять миллионов долларов, прошу подойти для оформления сделки.

И тут, бросив взгляд на полотно, Николо опять показалось, что сатир на картине ему улыбнулся и подмигнул.

Глава 3. «Ночной разговор».

Этот район Москвы тщательно прятался в тишине аллей, за глухими стенами высоченных заборов. Было даже странно, как в одном из самых туристических мест столицы могло соседствовать тусовочное пространство разношерстной публики на Воробьевых горах и самое элитное место проживания статусных вельмож. Если что-то хочешь спрятать – прячь на самом видном месте, должно быть так же рассуждали и те, кто скрывался за серыми заборами в особняках и проезжал на дорогих автомобилях мимо, облюбованной туристами, смотровой площадки, добираясь в свои, скрытые массивными воротами, особняки. У всех, на слуху, была Рублевка, но мало кто догадывался, что самым охраняемым и престижным местом мегаполиса была вовсе не она, а малоприметные дворцы на улице Косыгина, расположившиеся между Московским Государственным Университетом и киностудией «Мосфильм».

В один из таких особняков и направлялся черный Bentley Continental GT, призывно сигналивая у ворот цвета хаки. Через паузу, те медленно стали расползаться вовнутрь двора. К въезжающей машине подошел вооруженный солдат и внимательно осмотрел салон, убедившись, что там все свои, козырнул и дал транспорту «зеленый свет». Черный монстр, рыча, по грунтовой дорожке подъехал к центральному входу небольшого, но очень элегантного дворца. Водитель выскочил из автомобиля и распахнул заднюю правую дверцу машины, выпуская седовласого мужчину в дорогом костюме. Все окна трехэтажного здания светились, как во время торжественного бала, сразу было видно, что хозяева экономить на таких мелочах, как иллюминация, не привыкли.

Не снимая обуви, величественный господин неожиданно прытко поднялся по лестнице на второй этаж и, пройдя по покрытому ковровой дорожкой коридору, бережно приоткрыл дверь в кабинет, весь уставленный шкафами с книгами. За столом, напоминавшим, по своим размерам, гиппопотама сидел рыхловатый мужчина в дорогом халате, с затейливой золотой вышивкой. На столе стояла бутылка початого коньяка Hennessy Beaute du Siecle, а в бокале плескалась янтарная жидкость, которую медленно потягивал владелец халата и заметного живота, говорящего о неумеренности своего хозяина. В нем, пытливый читатель без труда бы узнал бога виноделия Диониса ничуть не изменившегося со дня нашей последней встречи.

– Что сообщишь, Лучанский? Где картина? – вызывающе бросил вошедшему, баловень Олимпа.

– Я сделал все, что смог, но кто мог предположить, что за произведение никому не известного художника выложат десять миллионов долларов, у меня с собой было только пять.

– Ты идиот, Лучанский, у тебя, что денег мало, я бы добавил еще. Как ты мог прощелкать картину, ты, что не понимаешь, какое она имеет значение?! Это не просто мазня, это картина живая, портал в мир олимпийских богов и я не могу допустить, чтобы абы кто проник в наше измерение. Тот, кто заплатил такие деньги знает, с чем имеет дело и я, кажется, догадываюсь в какие загребущие руки уплыл, чертов, шедевр. Да, беда...

– Прости меня, мой бог.

– Какой я твой бог, ты крещеный или просто прикрываешься крестом? Что у тебя на шее?

– У меня золотой крест, но только ты Дионис являешься истинным моим божеством, остальное формальность, которая необходима в православном государстве.

– Здесь много и мусульман, что же ты не сделал себе обрезание? Твоя служба мне боком выходит, и я начинаю сомневаться в искренности твоих побуждений. Не забывай, откуда твое богатство и кому ты обязан всем своим благополучием, а крест сними, чтобы я его не видел. Двум господам не служат!!!

– Хорошо, повелитель.

– А теперь, давай подумаем, как нам вернуть потерю. Надо выяснить, доподлинно, куда она попала и где ее искать. У меня есть догадки, но их надо проверить. Собирайся, поедешь в командировку в Рим, к одному моему человечку и захвати с собой достаточно денег, чтобы больше из-за таких нелепых проколов не было проблем, ты меня понял?

– Да, мой господин.

– Исправляй ошибки, а я пока погощу у тебя, мне здесь нравится. Все, иди с глаз долой, собирайся в дорогу, – и божественный сластолюбец потянулся к бокалу с коньяком и сигаре, щелкая золотой гильотиной.

Лучанский вышел из кабинета, так же бережно прикрыв за собой дверь, и, пройдя в свою спальню, дал по телефону нужные распоряжения прислуге по поводу вылета в Вечный город и всего остального. За окном чернела глубокая ночь, скрывающая в своей темноте немалые тайны, которые, как шило, рано или поздно вылезают наружу.

Глава 4. «Рим».

Частный самолет Global 6000 смиренно поджидал своего пассажира во Внуково-3. Лучанский не выпался и с плохим настроением поднялся на борт. Рывкнув стюарду, чтобы ему никто не мешал, vip клиент завалился в кресло и, накрывшись пледом, заснул еще до того, как самолет набрал нужную высоту. Проспав весь полет, седовласый мужчина выгрузился в аэропорту Чампино, где возле трапа его встретил микроавтобус с тонированными стеклами. В микроавтобусе, внутри больше похожим на штаб, в кресле из желтой телячьей кожи восседал мрачный гражданин, напоминавший мафиози. Кивнув прибывшему, он протянул руку и представился:

– Андреа Инганнаморте

– Лучанский Эммануил, – пожав протянутую пятерню, в ответ назвал себя прибывший.

Дверь за гостем автоматически закрылась и машина на огромной скорости понеслась в сторону Рима, разгоняя плетущиеся попутки проблесковыми маячками и кричащей сиреной. Сквозь тонированные окна невозможно было определить красоту видов, проносившихся мимо. Заехав в популярный туристический район Навона, Андреа предложил гостю, прежде чем заняться делами, заселиться в пятизвездочный Отель Lifestyle Suites Rome, где был забронирован, пусть не самый дорогой, но прекрасный номер, оформленный в постельных тонах, с видом на площадь с обелиском, украшенным древнеримскими статуями. Впрочем, на подробные экскурсии не было времени. Лучанский не стал выяснять название всех этих красот и, побросав вещи, налегке спустился вниз к машине, вновь, забравшись в штаб на колесах, расположился в кресле у небольшого столика напротив итальянца, восседавшего важно вразвалку, на правах хозяина.

– Пока Вы летели, нам удалось навести кое-какие справки и проследить путь картины. Ваш господин оказался прав, она в Риме, но добыть ее будет так же сложно, как спуститься в ад и вернуться обратно.

– Что это значит?

– То и значит. Ее нынешний владелец вряд ли расстанется с ней за деньги, он привык оперировать такими суммами, что вам и не снились, тем более, что материальная ценность картины его совсем не волнует. Тут, ваш хозяин серьезно подставился, доверившись простому художнику, и посвятив его, в ночь после дня солнцестояния, в таинство, давая ему покровительство муз. Античные боги и так вытеснены христианством, как язычники, еще не хватает, чтобы их пространство было нарушено, а картина «Вакханалия» прямой портал в мир олимпийских богов и всех, кто с ними неразрывно связан. Тот же, в чьих руках находится наш шедевр, мечтает наложить свою лапу на мир, отошедший на второй план, но, по-прежнему, играющий решающую роль в мировой культуре. Стоит выбить базовые ориентиры и крах не заставит себя ждать. Враг рода человеческого не случайно присматривается к Дионису, погрязшему в праздности и разврате. Стоит нащупать слабое звено, как мир древней красоты, словно созревший плод, упадет в руки его нового обладателя. Теперь ты догадываешься, с кем придется иметь дело?

– Только этого и не хватало. Я знаю, о ком ты говоришь, а как пагонист по вероисповеданию, прекрасно понимаю, что мне в случае неудачи нашего предприятия грозит.

– Хорошо, что мы друг друга поняли, теперь давай проработаем детали и помни никому доверять нельзя.

– Я это учту.

И как два заговорщика они уткнулись в составляемый план, пытаясь вычислить дальнейшие шаги оппонентов и место хранения искомой картины

Глава 5. «Выставка».

Слухи разлетелись быстро. Художественный мирок, как та песочница, где задом друг к другу толкаются дети, стоит в ней кому-нибудь выделиться, так сразу все участники игры бросаются выкладывать из песка одни и те же «куличики», спрос на которые растет по мере увлеченности всех этим процессом. Так и в нашем случае, акции Николоса, как художника, после аукциона, резко взлетели вверх и все его работы, даже не очень удачные, пошли нарасхват, вызвав массу подражателей, что принесло счастливцу нешуточные прибыли. Он стал не только богат, но и знаменит. В высшем свете только и говорили о нем и о том, как великолепно он пишет картины. Посыпались заказы от натюрмортов до портретов, на которых, если честно, Николо халтурил, почувствовав вкус к шальным деньгам. Единственно, к чему он относился по-прежнему серьезно, так это к картинам по мотивам мифов древней Греции, выставку которых он, усердно готовил, доводя уже написанные работы до уровня, сопоставимого с совершенством. Отдаваясь творчеству с тем энтузиазмом, которое неплохо обеспечивалось попутными заработками, он во главу угла ставил свой вернисаж, обещанный Гамлетом, как приятелем и весьма успешным галеристом, так выгодно реализовавшим его талант один раз, а значит способным повторить это достижение снова. Николос на удачу очень рассчитывал, мечтая не только заработать, но и оставить свой след в истории мирового искусства.

Гамлет подъехал в мастерскую на Арбате, где вполне себе вольготно, после обретенной известности, расположился любимец фортуны, окунувшись в свое творчество с головой. Николо фанатично работал над картиной «Цветок папоротника», которая никак не давалась и визит Гамлета был не совсем кстати, но куда денешься от приятеля, приехавшего, к тому же, обсудить неотложные дела:

– Приветствую любимца Мельпомены, сожалеющей о всех тех, кто бросает вызов воле небес и баловня других восьми муз, составляющих свиту самого Аполлона.

– Ты лучше скажи, насколько готов наш мусейон?

– Я к выставке готов, остальное все в твоих руках, точнее в твоей волшебной кисти. Когда заканчиваешь?

– Это картина последняя, осталось парочку дней, – и художник радостно улыбнулся, – если честно, то я уже исписался, фантазия кончилась и так, слава богу, для выставки готово двадцать полномасштабных работ, из них эта, последняя, должна быть шедевром, какого еще никто не делал. И пусть она не совсем связана с греческой мифологией, но то, что она фантастическая, сомнений нет.

– Да, после «Вакханалии» ты стал писать значительно лучше. Эх, жаль, что «Вакханалии» не будет на выставке, она была бы вишенкой на торте. Но с другой стороны, если бы не ее успех, кто бы о тебе знал.

– Что-то находим, что-то теряем, – философски заметил Николос, – а тебя не смущает выставка древнегреческой мифологии в России?

– Почему бы и нет? Античная культура во все времена ценилась, пусть и не нашла должного отражения в русской православной жизни. Может быть и зря, тем более стоит восполнить пробел, а после ажиотажа с «Вакханалией», даже самые дремучие русофилы заинтересовались древней Грецией. Этим надо воспользоваться пока конъюнктура есть. Как ты знаешь, я прежде всего коммерсант, наша задача – не упустить выгоду. Открой лучше секрет, что это, вдруг, творчество у тебя так и поперло?

– Это тайна, которая умрет вместе со мной.

– Ой ли, не хочешь не говори, все цену себе набиваешь.

– Кстати о цене, неплохо бы обсудить и мой гонорар.

– Хорошо, сдаюсь, будет тебе половина от суммы реализованных работ по итогам выставки, так выгодно я никому не предлагал сотрудничество.

– Это потому, что у тебя более выгодных сделок, чем с моими работами и не было никогда.

– Что правда, то правда, поэтому мы с тобой не только приятели, но и друзья, – рассмеялся ушлый деляга.

– Да еще и партнеры, – напомнил приятель.

– Куда деваться, замкнутый круг.

– Ладно, хватит меня отвлекать, иначе я не успею к сроку, а до выставки две недели осталось. Как с рекламой?

– Да по всей Москве волна идет.

– Посмотрим, что она вынесет на берег.

– Я надеюсь, золотой песок.

– А я надеюсь, мировую славу.

– Плох тот художник, что не мечтает о вечности, особенно вечности подкрепленной материально.

– Ладно, болтун, отчаливай, а то сейчас в краске измажу, – и Николо угрожающе взмахнул кистью.

– Все, все отчаливаю, трудись «бумагомарака».

Гамлет улыбнулся и, помахав рукой, скрипнул дверью, скрывшись в ее проеме и оставив мастера наедине с муками творчества. А муки по-настоящему были. «Цветок папоротника» никак не получался: ускользало, что-то очень важное. И, вот наваждение, живописец замечал, что наутро картина меняла свои очертания, как будто ночью жила какой-то своей, загадочной жизнью. Решив не прерываться на сон, художник, избегая искусственного света, писал при свечах, справедливо полагая, что так достигнет большей достоверности. Дело пошло. Время от времени, сравнивая написанное с засохшим оригиналом, творец все больше убеждался, что его детище живет, мерцая в пространстве полотна красками, играющими каким-то внутренним светом, становясь все более одухотворенным, в сравнении с цветоносом (как будто жизненные силы растения перетекают на полотно, постепенно, оживляя холст).

Внезапно, форточка с грохотом распахнулась от порыва ветра. Бросившись ее закрывать, художник краем глаза заметил, что цветок папоротника на картине шелохнулся. Вздвогнув от неожиданности, Николос еще раз внимательно посмотрел на полотно, но ничего экстраординарного не заметил. Должно быть, показалось от усталости. Пора было заканчивать работу, пока она не довела его до сумасшествия. Все равно абсолютного совершенства еще никому, кроме богов, не удавалось достичь.

За всеми этими внутренними баталиями пролетели и отпущенные на подготовку к выставке, две недели. Галерея «У Гамлета» в назначенный день напоминала муравейник, все время кто-то приезжал, кто-то отъезжал, очередь, образовавшаяся за билетами, толкалась и нетерпеливо переругивалась. Приглашенные гости прибывали на роскошных авто, соревнуясь друг перед другом в собственной успешности. Кто-то пришел убить время, а кто-то приценивался, прикидывая, сколько и на что готов потратить.

Жизнь кипела, разодетая публика ходила по залам галереи останавливаясь возле картин, охая и вздыхая в восхищении. Критики Ляплинский и Богомазов неразлучной парочкой бродили от картины к картине цокая языками, что, должно быть, означало высшую степень благосклонности. Официанты, всем присутствующим, предлагали шампанское и легкие закуски.

После закрытия выставки, для избранных, прибывших по приглашительным билетам, готовился банкет, плавно переходящий в торги в, специально отведенном для этого, зале. Все двадцать работ продавались, кроме одной, двадцать первой. Расстаться с ней Николос не мог. «Цветок папоротника» он решил оставить для себя. Что-то связывало живописца с этой кар-

тиной. Какая-то ниточка соединила с ним его душу, словно растение проросло в нем самом этим алым цветком, пустившем внутри глубокие корни.

Гамлет потирал руки: выставка-ярмарка «Реалии и мифы древней Греции» превзошла все ожидания, созданный ажиотаж отозвался звонкой монетой. Никто не мог себе представить, что древнегреческая мифология в руках талантливого художника обретет такой спрос в эпоху «современного искусства». Ажиотаж, во многом порожденный нагнетаемыми слухами (все-таки Гамлет был отличный делец) и прекрасная подготовка выставки, дала свои весомые плоды, сорванные умелой рукой. Все были довольны, одни выгодными приобретениями, другие их результатами.

Оставалось подвести черту, разделяющую прибыли каждого по индивидуальным карманам. Но главное Николосу, как художнику, было важно то, что о выставке заговорили в международной прессе и автор рассчитывал своими работами обрести не только коммерческий успех, но и свое место в пантеоне славы выдающихся деятелей искусства, наряду с бессмертными именами. Ох уж эти наполеоновские планы, куда же без них...

Глава 6. «Запечатанные уста».

Кардинал Джулиано делла Ровере по прозвищу «хозяин» снял красную беретку, нагрудный крест и сутану, аккуратно разместив все это в громадном шкафу из красного дерева, инкрустированного золотом. Затем достал из глубины деревянного монстра черный гражданский костюм и быстро в него переоделся, став похожим на обывателя. Только, перстень с голубым сапфиром (символ принадлежности к королевскому достоинству) выдавал в нем «превосходительство» государственного секретаря Папского престола. Глянув на себя в зеркало, обладатель кардинальского пурпура убедился, что выглядит неприметно и вполне сойдет за какого-нибудь клерка. Надев лакированные туфли и фетровую шляпу, Джулиано вышел за дверь и, стараясь быть не замеченным, спустился по лестнице в подвал Апостольского дворца. Подойдя к нише в стене, он незаметным движением нажал на какой-то механизм, и тяжелая стенка отошла в сторону, обнажив тоннель, ведущий в катакомбы древнего Рима. Нашупав сбоку от прохода заранее приготовленный фонарик, епископ, постукивая каблуками по каменной кладке пола, направился знакомым лабиринтом из Ватикана в, окружающий его со всех сторон, Вечный город, прокладывая себе дорогу, рассекающим тьму тоннеля, светом фонаря.

Едва не заблудившись и потеряв счет времени, кардинал, наконец, открыл тайную дверцу храма, обозначенную на своем фасаде перевернутой пятиконечной звездой. Своды помещения нависали над головой вошедшего каменными арками, и тускло подсвечивались толстыми восковыми свечами. На алтаре, расположенном здесь же, виднелись бурые пятна крови, говорящие о том, что жертвоприношения не были редкостью в этих стенах, вдоль, которых, располагались деревянные скамьи для немногочисленных участников кровавой мессы. В качестве пароля Ровере громко произнес ритуальный вопрос Папы: «*Guid vobis videtur?*» (Что вы думаете?)

– Я думаю, что ты пришел вовремя, – раздался приглушенный, хрипловатый голос его обладателя, и из тени появилась высокая фигура, облаченная в черную сутану с капюшоном, накинутым на голову по самые брови, – садись. У нас будет долгий разговор.

– Да, Великий инквизитор.

– В средние века Папский престол натворил столько, что искупить это будет сложно, пришлось время отдавать долги. Папы занимались развратом и пьянством, характерным, скорее, для античных язычников, чем для ревнителей Веры христовой, не останавливаясь ни перед мужеложеством, ни перед скотоложством, ни перед инцестом, убивая направо и налево. Вы мне изрядно задолжали, купающиеся в роскоши. Вспомни хотя бы правление Пап Сергия Третьего, с его порнократией, или Родриго Борджиа «аптекаря сатаны»... Вы даже мертвых не оставляли в покое в борьбе за власть. Достаточно вспомнить ваш «Трупный синод», когда выкопали гниющее тело Папы Фармоза и придали его суду, отрубив пальцы руки, чтобы и на том свете он не мог совершать крестное знамение. Это только вам кажется, что на вас распространяется индульгенция, на самом деле каждый будет отвечать за свои грехи вне зависимости от сана. Я прекрасно помню одобренные католическим духовенством пытки и костры священной инквизиции, а также крестовые походы, в том числе на, якобы, братьев по христианской вере, православную Византию. Константинополь, захваченный рыцарями, несшими на себе крест, насилувавшими и убивавшими во имя Христа Греко-православное население, по науськиванию и непротивлению Папы Иннокентия Третьего, мечтавшего об абсолютной власти и унии Святого Престола на всех христиан. Поэтому, неудивительно, что некоторые православные и поныне считают вас еретиками. Ваши гей-мессы и прочие прелести представителей содомитов в рясе. А что натворили с индейцами конкистадоры, пытаясь перебросить католическую веру через океан, при этом грабя и убивая несчетно. Рабство негров («черное золото»), гибнувших на плантациях в угоду примерным католикам и вашим миссионерам. Наступило время

расплаты, 112 Папа, нынешний, по пророчеству святого Малахия, последний Папа. Наступает наше время править на Земле и на Небе. Даже малый грех может потянуть на дно, а вы наворожили черти что, из страха вступив в сотрудничество даже с фашистами, доказав тем самым, что ради собственного благополучия готовы на все... всегда, только, прикрываясь именем Бога.

– Но у нас много и святых, несших свет людям.

– Исключения только подтверждают правила. Мало ли среди них было оголтелых фанатиков, вспомни отца церкви Оригена, публично отрезавшего себе мужское достоинство во имя «Царствия Небесного». Смешно. Все это языческий *Hybris* – преступная гордыня, противление божественной воле, такое положение мне очень нравится, знаю, что найду в вас союзников и говорю не только о тебе кардинал, но и о твоём хозяине. Понял меня, *Padrone*? Церковь – это, всего лишь, институт Бога под эгидой дьявола. Это я вам как Великий инквизитор говорю, интриганы. Не мните себя равными богам, святые угодники. Коль угодники так и угождайте всем, в том числе и мне, а я за вас, так и быть, замолвлю словечко на Суде... ха-ха-ха... Или вы думаете, что вам удастся избежать судилища? Наивные... я к нему тоже готов и на каждого святошу есть увесистый компромат. С православием надо разделаться, оно у меня, как кость в горле, хорошо, что Вселенский Константинопольский Патриарх из тщеславия и жадности предоставил Томас Украине: он внесет раскол в ряды русского мира и его союзников, в частности греков. Греко-римские небожители мне очень нужны, на днях я приобрел картину одного художника, дающую мне возможность захватить власть над двенадцатью олимпийскими богами, во главе с громилой Зевсом и их мирком. Это очень важно. Не случайно почти все планеты солнечной системы названы именами античных богов, они по-прежнему, влияют на события и судьбы этой маленькой планеты. На земле греков родилось и процветает православие, так полюбившееся треклятым русским. А я стремлюсь к абсолютной власти. Все эти: тайные общества «Череп и кости», «Пропаганды», «Иллюминаты», «Бельведерский клуб», готовят мир к глобализму. А глобализм, с его концентрацией ресурсов, нуждается только в одном хозяине, и я его знаю, ха-ха-ха... Почва, наконец-то, разрыхлена и подготовлена, пусть взойдет на ней теперь наше «солнце», черное солнце затмения.

– Что от меня требуется, Великий инквизитор?

– Для начала, спрячь нужную мне картину в запасниках миссионерского музея в Ватикане, там ее никто не найдет, да смотри, не спускай с нее глаз. Пусть это послужит шагом к нашему взаимовыгодному сотрудничеству.

– Можно увидеть шедевр?

– Да, взгляни, – и человек в капюшоне сдернул черную накидку со, стоящего в углу, полотна, – картина называется «Вакханалия» и, как видишь, на ней изображена оргия этого сластолюбца Диониса в его окружении.

Вдруг, изображенные на холсте сатиры, нимфы и менады, окружавшие бога виноделия и разврата, ожили и, на глазах изумленного епископа, продолжили совокупление, будто кардинал наблюдал все это в окно.

– Теперь ты понимаешь, почему мне так важно это творение, наделенное магической силой богов Эллады?

– Да, сир. Но я вынужден буду поставить в известность понтифика, иначе могут дознаться архивариусы, и тогда беды не миновать: картина с таким фривольным сюжетом не совсем сочетается с критериями наших музеев и скрыть ее будет не так просто.

– Делай, как знаешь, но за нее ты отвечаешь головой. И не забывай про «запечатанные уста». Посторонним обо всем этом знать нельзя, – «инквизитор» повел по воздуху рукой, черная материя сама взлетела и покрыла картину целиком, – забирай, аудиенция окончена, я сам тебя найду.

Фигура в черном балахоне, как тень, растаяла в пространстве, так и не попрощавшись. Бережно обхватив, оставленное полотно, Джулиано делла Ровере, несмотря на свой статус и

иерархию в пантеоне Святого Престола, пытая и, отдуваясь, потащил, доверенное сокровище, в хранилища Ватикана, спотыкаясь в темноте, но как крот, интуитивно, находя нужные направления.

Глава 7. «Лариса».

Она была удивительно хороша, ее звали Лариса, что в переводе с греческого означает «приятная», а приятна она была во всех отношениях. Великолепная фигура сочеталась в ней с острым умом и прекрасными манерами, дарованными ей аристократическими предками.

Они познакомились на вернисаже «Реалии и мифы древней Греции», где он был ей представлен Гамлетом. Она поразила его сразу, своей внутренней цельностью в сочетании с внешним лоском. С тех пор Николос с Ларисой нередко делили часы досуга, наслаждаясь друг другом и подолгу беседуя на отвлеченные темы. Он был поглощен ею полностью, совсем забросив занятия искусством. Не сказать, что она восторгалась его творчеством, но как человек со вкусом, отдавала должное таланту живописца. Он же всячески пытался ее поразить, засыпая подарками, соответствующими ее красоте. И вот она случилась, случилась любовь, подкраившаяся к сердцам на цыпочках и поразившая их стрелой Эроса в самое «яблочко». Кто из них любил больше, трудно было сказать, он остервенело, она же благосклонно позволяя себе питать с ним взаимные чувства. Как студенты, взявшись за руки, они подолгу гуляли по Москве, ходили в театры, кино и музеи. В одном из них они остановились возле мраморной головы фавна и, восторгаясь мастерством ваятеля, не заметили, как к ним подошла местная смотрительница, старушка неопределенных лет, явно скучающая от недостатка внимания:

– А вы знаете, что, несмотря на то, что многие не видят разницы между фавнами и сатирами, – начала она, – представители этих двух существ и легенды о них имеют огромные отличия. Сатиры символизируют преобладание сексуального желания человека над его интеллектом. Люди часто говорят о том, что испытывают любовь, хотя на самом деле подразумевают желание. Ударяясь во все тяжкие, под влиянием своих гормонов, мы оказываемся, нередко, просто использованными в чьих-либо целях. Затем, после того, как волна влечения спадет, к нам приходит осознание очевидной глупости случившегося, а значит и стыда. Фавны, напротив, олицетворяют нормальное отношение к сексуальным эмоциям, на которые оказывают влияние и гормоны и интеллект. Они позволяют взаимоотношениям вызреть прежде, чем барьеры между влюбленными падут под натиском гормонального цунами, тем самым держат процесс под контролем естественного развития контактов между мужчиной и женщиной.

– Спасибо за подробную консультацию, будем иметь ввиду, – отозвался Николо и попытался, притянув к себе Ларису, покинуть словоохотливую старушку, тем более, что на вечер он наметил именно то, о чем, так некстати взялась распространяться смотрительница музейных ценностей, боясь, что та собьет весь настрой и испортит ему «малину». Еле отвяжавшись от бабули, влюбленные быстро пробежали оставшиеся залы храма искусства и в приподнятом настроении, поймав такси, отправились в небольшой частный отель домашнего типа «Малетон», там их наверняка никто не мог узнать и в нем случайно не попадутся навязчивые приятели и знакомые. Сняв номер, влюбленная парочка заказала в местном ресторане изысканный ужин с обильной выпивкой, решив оторваться по полной и дать волю страстям.

Лишь под утро, измучив друг друга вождением, они усталые, но довольные провалялись в глубокий сон. В путанице сновидений, нахлынувших на утомленный алкоголем мозг героя-любовника, в память врезался образ сатира, смеющегося гомерическим хохотом, настолько четко и явно, что сознание, вздрогнув, в испуге разорвало узы Морфея, выводя спящего из бредового состояния. Лариса лежала рядом, рассыпав черные волосы по белоснежной подушке, ее красота казалась еще более привлекательной и желанной, не сдерживая себя, Николо набросился на нее, словно и не было страстной ночи, утомившей их обоих, впрочем, жертва, надо сказать, не очень-то и сопротивлялась...

Дело дошло до помолвки. Ее родители, состоятельные люди, были не против, так как жених представлял, по мнению светской тусовки, завидную партию. День же назначенной сва-

дъбы, по желанию невесты, совпадал с днем ее рождения. Праздновать два праздника одновременно не совсем хорошая примета, но разве возразишь суженной, тем более, если она бывает весьма привередлива.

* * *

Торжество было тщательно подготовлено. В фонтанах било шампанское, готовое утолить жажду даже самого ненасытного гостя. Столы ломились от закуски, своевременно сменяемой расторопными слугами в ливреях. Сам Дионис мог позавидовать размаху мероприятия и количеству званых великосветских персон. Николос не поскупился, выложив за праздничный вечер, чуть ли, не все свое нажитое состояние, надеясь впоследствии пополнить запасы за счет приглашенной ангажированной публики. Невеста была в приподнятом настроении. Они много танцевали и глаза ее лучились не поддельной радостью и восторгом. Преподнесенная им, на день рождения и бракосочетание, картина «Цветок папоротника» занимала достойное место на горе подарков, полученных ими на этом празднике жизни, посвященному их благословенному союзу.

– С днем рождения, дорогая, – поцеловав, поздравил он.

– С днем нашей свадьбы, любимый. Это самый счастливый день в моей жизни, – прошептала она.

– У меня есть для тебя еще один подарок, но это позже. Ты заешь, что существует цветок папоротника?

– Да, я видела его на твоей картине.

– Нет, он бывает на самом деле, и я тебе его покажу.

– Я всегда полагала, что это вымысел.

– Он реален и, именно он, позволяет находить клады и богатство. Владеющий им всегда будет при деньгах.

– Как интересно и, что он у тебя есть.

– Представь себе, именно ему я во многом обязан своим успехом, – похвастался жених.

– И ты готов отдать его мне?

– Пусть это будет самый прекрасный цветок, подаренный мной тебе на это торжество.

Такого больше ни у кого нет, только у меня и тебя.

– Не боишься расстаться с таким сокровищем?

– Нет, мы же теперь семья.

– Семья семьей, но брачный контракт подписан и в нем не обозначен твой «клад».

– Главное, чтобы была любовь.

– Главное, чтобы было взаимопонимание, – скорректировала порыв эмоций невеста.

– А без любви это не возможно.

– То-то и оно, что любовь нередко проходит.

– С нами такого не произойдет.

– Дай-то Бог.

– Да, бог Дионис.

– При чем тут греческий «виночерпий».

– Когда-нибудь расскажу, да ты не веришь.

– Жена должна верить мужу, если он не враль.

– В это даже я верю с трудом, только цветок папоротника и является доказательством реальности происходящего.

– Ты меня заинтриговал, жду не дождусь твоего сказочного цветка.

– Завтра, милая. Все завтра.

И они закружились в вальсе, наслаждаясь близостью друг с другом, выбросив из головы все, что могло бы помешать их опьяняющему счастью.

Глава 8. «Капелла».

Андреа Инганнаморте, казалось, надел на себя маску, настолько не выразительны были его черты лица, явно, озабоченного какими-то неприятными новостями. Поднявшись в номер гостиницы, он сел в кресло и молча изучал взглядом Лучанского, как бы взвешивая, говорить или не говорить. Седовласый мужчина не выдержал взгляд этого «мафиози» и с нетерпением выкрикнул:

– Нуууу...

– Я, уже давно являюсь членом тайного ордена «Опус Деи». Наше братство светских монахов иезуитов глубоко интегрировано в тайны Святого Престола и самого Папы. Через своих людей, не спрашивай как, мне удалось узнать, что картина сейчас находится в запасниках Ватикана и охраняется, как зеница ока. Я постараюсь тебе организовать встречу с нашим человеком из папских покоев. Но, если честно, не знаю, чем он сможет помочь. Что попадает за стены города-государства, то, как правило, навсегда остается там.

– Будем надеяться на лучшее. А зачем, если не секрет, ты, католик, помогаешь язычникам?

– Мне хорошо платят. А кроме Веры и всего такого прочего, меня интересуют и мирские радости, так, что монахом я себя не считаю, скорее членом «святой мафии».

– Получается, служишь тем, кто больше заплатит?

– Можно сказать и так, а заодно помогаю провидению в реализации высшей воли.

– Хорошо, с чего начнем?

– Сегодня в 15.00 мы должны быть в Сикстинской Капелле, так что собирайся быстрее, времени у нас осталось мало.

Эммануил перебрал привезенные им с собой рубашки и, надев свежую, вместе с гостем спустился в холл гостиницы, где их уже ждал водитель микроавтобуса. В этот раз, не включая сирену, они тронулись в сторону католической Мекки.

Через непродолжительное время, странная парочка уже перешагивала белую пограничную линию, разделяющую Рим и Ватикан на площади Святого Петра. Храм-музей гостеприимно встретил прибывших толпами туристов, обозревавших уникальные фрески этого, неизвестно какого по счету, чуда света. Время до встречи еще оставалось, и грех было не уподобиться празднующей публике и не осмотреть творения великих художников. Затерявшись в толпе, они приблизились к алтарной стене, где Микеланджело изобразил «Страшный суд». Демоны с ужасными ликами хватали грешников и уносили их с собой в бездну страдания, не давая несчастным не малейшего шанса на спасение. Картина была настолько натуралистичной, что Лучанский почувствовал, как холодок пробежал по его телу и понял, что это видение отпечаталось в его памяти на всю оставшуюся жизнь.

Внезапно, Эммануила кто-то взял под локоть. Это был милостивый юноша в монашеской сутане. Улыбнувшись, он, слегка заикаясь, сказал:

– Ккк счастью Папа еще не знает про картину, есть шанс ччто ему эта авантюра не понравится, а я постораюсь, чтобы вы оказались в первых рядах на ее удочерение... Ссделайте вид, что вы меня о чем-то спросили, я не хочу, чтобы служба безопасности подозревала меня... – юноша еще раз улыбнулся и, развернувшись, затерялся в толпе, как мимолетное видение, растворившись в пространстве.

Лучанский сразу потерял всяческий интерес к окружающему божественному благолепию и, нервно сжимая пальцы, задумался над сказанным молодым человеком, взвешивая шансы на успех. Андреа, кажется, совсем не заметил происходящего и только после кивка, которым он сопроводил их выдвижение из храма, Эммануил догадался, что «мафиози» все контролировал.

Красоты Ватикана так и не тронули душу поклонника многобожия и он отправился восвояси, в глубине сердца надеясь на благополучный исход безнадежного предприятия.

Глава 9. «Цветок».

Он долго перебирал книги, пытаясь вспомнить в какую из них положил цветок. Наконец, к радости, заветный бутон был найден. Цветок, несмотря на прошедшее время, прекрасно сохранился и продолжал источать свои природные краски и аромат. Сдув с него вымышленную пыль, Николо бережно положил его обратно в книгу и понес обещанный подарок своей избраннице.

Лариса сидела в кресле-качалке и читала какой-то роман, увлеченно всматриваясь в текст, на лице ее отражались эмоции, рождаемые героями захваченного ее вниманием произведения. Неожиданно появился Николос, радостно, на вытянутой руке, несший свою находку:

- Вот, я нашел, полюбуйся.
- Что нашел? – еще не переключившись с романа, спросила читательница.
- Цветок папоротника.
- Где? Покажи.
- Вот.

И ботаник-любитель достал засушенное растение. Лариса протянула к нему руку, Николо подал растение избраннице, желая впечатлить уникальностью цветоноса, но как только ее пальцы коснулись бутона, он тут же рассыпался, словно песочный замок, превратившись в бурую пыль. Одновременно с этим, и на картине, подаренной в день рождения и свадьбы своей невесте, написанной пропитанными любовью красками, цветок неожиданно потемнел и превратился в подобие тени, маячившей серой массой на стене за креслом-качалкой. Картина «Цветок папоротника» превратилась в свое жалкое подобие, словно умерла.

* * *

Неприятности начались почти сразу после исчезновения заветного талисмана. Кредиторы появились, откуда не возьмись, после критической статьи Ляплинского и Богомазова «О подражательстве в искусстве сегодняшнего дня шедеврам эпохи Возрождения». К тому же оказалось, что наш герой давно жил не по средствам. Пытаясь пустить любимой пыль в глаза, он превысил все возможные лимиты, за финансовой состоятельностью которых его творчество просто не успевало. Купив дом в элитном поселке на Новой Риге в районе села Николо Урюпено, для своей молодой семьи, художник переоценил свои возможности, взяв на развитие кредит и не способный, в нынешних обстоятельствах, его обслуживать. Потеря репутации грозила и другими финансовыми проблемами. От него, как от прокаженного, тут же отвернулись липовые друзья, и великосветское общество уже не так восторженно отзывалось о его творчестве. Заказы прекратились именно тогда, когда они больше всего были нужны. Крах был настолько стремителен, что жена предложила пожить им «пока» отдельно, вернувшись под крылышко к своим родителям. Катастрофа во всем окончательно выбила Николоса из колеи, погрузив в бесконечную депрессию, а писать картины в этом состоянии было абсолютно невозможно. Зато алкоголь давал мнимую эйфорию, замещающую гнетущую реальность. Дело было настолько плохо, что, забравшись на Крымский мост, художник пристально изучал мутные воды реки, гадая прыгнуть вниз и покончить со всем, или вернуться в мастерскую и допить бутылку водки. Бутылка, к счастью, победила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.